

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–54

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–54

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>

EDN: IRYGVE

Научная статья

УДК [821.133.1.09-22:821.161.1.09]19]+929Мольер

Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп»

С. Ю. Павлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

Аннотация. В статье рассматривается рецепция комедии Ж.-Б. Мольера «Мизантроп» (1666) российскими литературоведами XX в., отраженная в монографиях, академических изданиях, учебниках, статьях и научном аппарате к полным собраниям сочинений великого французского драматурга. Причина настойчивого интереса к этой пьесе определяется двумя важнейшими факторами: ее неоднозначностью и влиянием на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума». Прослеживается трансформация оценок исследователей, начиная с дореволюционного периода и заканчивая работами последних лет. Утверждается, что рецепция «Мизантропа» во многом восходит к идеям основоположника русской мольеристики А. Н. Веселовского. Будучи полемически восприняты ближайшими последователями ученого, они приняли идеологическую окраску в трудах советских исследователей 1930–1940-х гг., затем оказались в фокусе внимания литературоведов середины века и получили дальнейшее развитие в работах рубежа XX–XXI вв. Обращаясь к «Мизантропу», российские специалисты по французской литературе XVII столетия концентрируются на специфике комического, биографической основе пьесы, системе образов, прототипах главного героя и сущности его конфликта с обществом. В центре их внимания неизменно стоит проблема авторской позиции и вопрос о том, на чьей стороне Мольер – Альцеста или Филанта. Проведенный анализ показывает движение исследовательской мысли от биографической и общественно-политической трактовки комедии «Мизантроп» до переориентации на этические проблемы. Представляется, что при всей важности этих аспектов, безусловно, значимых для осмысления пьесы, более адекватному ее восприятию будет способствовать культурологический подход, характерный для французского литературоведения и базирующийся на новейших исследованиях галантной эпохи.

Ключевые слова: Мольер, комедия «Мизантроп», российское литературоведение XX века, рецепция

Для цитирования: Павлова С. Ю. Российское литературоведение XX века о комедии Мольера «Мизантроп» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>, EDN: IRYGVE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

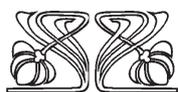
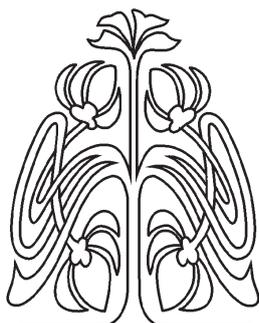
Russian literary criticism of the 20th century on Moliere's comedy "The Misanthrope"

S. Yu. Pavlova

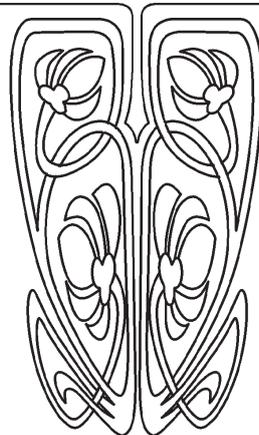
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Svetlana Yu. Pavlova, pavlovasy@info.sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-2772>

© Павлова С. Ю., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article addresses the reception of J.-B. Moliere's comedy "The Misanthrope" (1666) by the Russian literary critics of the 20th century, reflected in monographs, academic publications, textbook, articles and the scientific apparatus to the complete works of the great French playwright. The reason of this persistent interest to this play is determined by two essential factors: its ambiguity and its influence on A. S. Griboyedov's comedy "Woe from Wit". The author of the article traces the transformation of the researchers' evaluations, ranging from the pre-revolutionary period and up to the latest reviews. It is stated that the reception of "The Misanthrope" can be generally traced back to the ideas of A. N. Veselovsky, the founder of the Russian studies of Moliere. Having been perceived controversially by the closest followers of the scientist, they became ideological in the works of the Soviet researchers of the 1930–1940s, then they were in the focus of attention of the literary critics of the middle of the century and were further developed in the studies of the turn of the 20th – 21st centuries. Addressing "The Misanthrope", the Russian researchers of the French literature of the 17th century focus on the distinguishing features of the comic, on the biographical basis of the play, on the system of images, prototypes of the main character and the essence of his conflict with the society. They invariably concentrate on the issue of the author's viewpoint, and on the question of who Moliere sides with – Alceste or Philinte. The carried-out analysis shows that the research thought has changed from the biographical, social and political interpretation of the comedy "The Misanthrope" to refocusing on ethical issues. It appears that, despite the importance of all of these aspects, clearly significant for the comprehension of the play, a cultural studies approach, characteristic for the French literary studies and based on the most recent studies of the gallant epoch, will facilitate a more sensible perception of the play.

Keywords: Moliere, comedy "The Misanthrope", the Russian literary criticism of the 20th century, reception

For citation: Pavlova S. Yu. Russian literary criticism of the 20th century on Moliere's comedy "The Misanthrope". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2023-23-1-48-54>, EDN: IRYGVE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В творчестве классика французской литературы, великого комедиографа Жан-Батиста Мольера (1622–1671) «Мизантроп» (1666) занимает особое место. Эта комедия воспринимается как самое личное и вместе с тем неоднозначное произведение, споры о котором идут вот уже свыше трех столетий. История ее осмысления российскими литературоведами служит тому подтверждением.

Наиболее авторитетные издания комедии «Мизантроп» в России представлены в полных собраниях сочинений Мольера. В XX в. их было опубликовано пять. Два появились в дореволюционный период в Санкт-Петербурге. Это четырехтомник 1910 г., напечатанный в издательском товариществе А. Ф. Маркса под редакцией П. И. Вейнберга и П. В. Быкова, с критико-биографическим очерком Е. В. Аничкова [1]. Он был переиздан в качестве приложения к журналу «Нива» за 1913 г. (№ 1–10). Примерно тогда же, в 1912–1913 гг., в серии «Библиотека великих писателей» под общей редакцией С. А. Венгерова, которую выпускало издательство «Брокгауз-Эфрон», вышел полный двухтомник Мольера с предисловием академика А. Н. Веселовского и примечаниями Ю. А. Веселовского [2]. Многие пьесы этого издания сопровождались исследовательскими этюдами, авторами которых стали отец и сын Веселовские, Е. В. Аничков, Ф. Батюшков, В. Брюсов, П. Морозов.

В советский период первое полное собрание сочинений Мольера в четырех томах публиковалось с 1935 по 1939 г. в московско-ленинградском издательстве «Academia». Его редактировали А. А. Смирнов и С. С. Мокульский, последний также стал автором вступительной статьи к многотомнику, комментирование осуществили А. А. Смирнов и Б. М. Энгельгардт

[3]. Это собрание было переиздано в 1994–1995 гг. московским издательством «Терра» [4]. Еще два полных собрания мольеровских пьес и стихотворений вышли во второй половине XX в. Первое, четырехтомное, издавалось с 1965 по 1967 г. со вступительной статьей и комментариями Г. Н. Бояджиева [5]. Второе появилось спустя двадцать лет, в 1985–1987 гг. Это трехтомное издание сопровождалось вступительной статьей Ю. А. Гинзбург и С. И. Великовского, комментариями Г. Н. Бояджиева. Переводы пьес редактировал Н. М. Любимов [6].

В полных собраниях сочинений Мольера, вышедших в XX в., комедия «Мизантроп» публиковалась в переводах В. С. Курочкина (1910), Н. А. Холодковского (1912–1913), М. Е. Левберг (1935–1939) и дважды Т. Л. Щепкиной-Куперник (1965–1967, 1985–1987). Кроме того, она вышла в переводе М. Донского (1986) и уже в XXI в. – В. М. Мультигули (2009). Если добавить к этому перечню самые ранние русские тексты «Мизантропа» (прозаические И. П. Елагина, 1788, Медведева, 1899, М. И. Полтавского, 1899, К. Щероцкого?, 1903, и стихотворные Ф. Кошкина, 1816, Л. Поливанова, 1893), то можно заключить, что читателю XX в. было доступно двенадцать переводов мольеровской комедии, большинство из которых – восемь – были выполнены в дореволюционный период, три – в советский и один – в постсоветский.

Однако большое количество переводов отнюдь не означает, что «Мизантропа» можно отнести к числу наиболее популярных мольеровских комедий в России рассматриваемого периода. Он явно не входил в число приоритетных пьес советского репертуара, где доминировали такие комедии французского драматурга, в которых смех легко переходил в сатиру: «Дон Жуан»,

«Лекарь поневоле», «Скупой», «Мещанин во дворянстве», «Плутни Скапена» и, конечно, «Тартюф» (см.: [7]). Последняя из названных комедий является самой востребованной, и число ее переводов превышает десяток, как и в случае с «Мизантропом».

Впрочем, популярность «Мизантропа» у русских переводчиков имеет другие причины. Главная из них связана с его влиянием на комедию А. С. Грибоедова «Горе от ума». Напомним, что параллель между двумя пьесами впервые была обозначена М. А. Дмитриевым в статье для «Вестника Европы» 1825 г., а затем, спустя полвека, обоснована и детально рассмотрена А. Н. Веселовским [8]. В XX в. сопоставительное изучение двух комедий продолжил Н. К. Пиксанов в специально посвященной этому вопросу монографии [9]. Он развил анализ «Мизантропа» и вместе с тем укрепил тезис своего предшественника о самобытности «Горе от ума», ставший общим местом в советской науке и современных исследованиях.

Притягательность «Мизантропа» для русских переводчиков и литературоведов объясняется и второй важной причиной – ее неоднозначностью. Эта черта комедии была подмечена уже А. Н. Веселовским: «Потомство старается разгадать, что именно хотел сказать Мольер своим Альцестом, и на вопрос этот отвечает десятками разнообразных теорий» [8, с. 47]. Основательные труды А. Н. Веселовского 1870–1910-х гг. положили начало критическому осмыслению «Мизантропа» в России и на несколько десятилетий вперед задали вектор его интерпретации. Русский историк литературы настаивал на автобиографизме комедии и недовольстве автора «существующим порядком вещей», указывал на «сочувствие Альцеста народной старине» и одновременно относил его к представителям «нового типа людей, уже выдвигавшихся в обществе времен Мольера», критиковал тезис о стремлении драматурга «возвеличить мудрость умеренности» и утверждал, что своей пьесой он хотел вызвать у читателя презрение к придворной атмосфере, «развенчать версальских богов» [8, с. 179, IV, 85, V, 96, 113].

Такую трактовку попытались скорректировать ближайшие последователи А. Н. Веселовского в дореволюционные и первые послереволюционные годы XX в. Так, Е. В. Аничков обратил внимание на то, что нельзя видеть в комедии «полемическое нападение на все современное общество, <...> создание полное пессимизма и отчаяния» [10]. Н. К. Пиксанов увидел в подходе А. Н. Веселовского «много неточностей и преувеличений» [9, с. 52], в частности касающихся восприятия Альцеста как alter ego автора, борца

против дворянского сословия и церкви, имеющего народнические симпатии и намеревающегося уйти в народ [9, с. 64, 52]. Корректировку в оценку комедии внесла и монография Ю. Патуйе, переведенная с французского на русский язык в 1924 г. С уважением называя А. Н. Веселовского вслед за С. А. Венгеровым родоначальником русского мольеризма, ее автор все же отметил, что, «приписывая Мольеру оппозиционный дух, который ему совершенно чужд», он «изображает односторонне и даже искажает некоторые черты нравственного облика Мольера» [11, с. 66].

В дальнейшем эти важные для понимания комедии уточнения оказались практически вне поля зрения ученых, которые, опираясь на концепцию А. Н. Веселовского, разрабатывали и усиливали ее отдельные положения, отвечавшие идеологии советского государства. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в 1930–1940-е гг. Она представлена в монографии С. С. Мокульского «Мольер» (1936) [12], а также в его статьях в полном собрании сочинений драматурга 1930-х гг. [13] и в первом томе академической «Истории французской литературы» (1946) [14].

В центр своих размышлений исследователь справедливо ставит мысль о философском, интеллектуальном комизме «Мизантропа», но раскрывает ее в социально-классовом ключе. Он полагает, что пьеса представляет собой попытку социального обличения и показывает трагедию «передового протестанта-одиночки, выдвинутого еще не конституированной буржуазией, не созревшей для решительной, революционной борьбы с ненавистным ей феодальным обществом» [12, с. 251–252]. Комические черты образа главного героя видятся в отсутствии у Альцеста чувства меры, такта и юмора. Его полным антиподом объявляется Филинт, воплощающий теорию «золотой середины», равнозначной в 1930-е гг. оппортунизму и приспособленчеству. Спустя десять лет ученый смягчит свою позицию, указав, что драматург все же изобразил Филинта «в положительных тонах» [14, с. 490]. В целом, С. С. Мокульский подчеркивает буржуазно-прогрессивную сущность главного героя и противостоящую ей мещанско-патриархальную мораль его друга. Такая трактовка приводит его к выводу о том, что Мольер занял «промежуточную позицию между этими двумя полюсами буржуазной практики» [12, с. 252].

В схожем ключе «Мизантропа» рассматривает и В. Блюменфельд, чья статья сопровождает текст комедии в полном собрании сочинений Мольера 1930-х гг. Однако он более отчетливо формулирует тезис о раздваивании морали пьесы «между гневным протестом Альцеста и

умеренностью Филинта» [15, с. 641]. Ученый констатирует, что размежевание среди критиков по поводу «Мизантропа» объясняется не сугубо литературным, а общественным содержанием комедии, которую можно трактовать как революционную или консервативно-охранительную [15, с. 641]. В противовес французским мольеристам, принадлежащим, по В. Блюменфельду, к умеренной «партии Филинта», он делает ставку на Альцеста, видит в его образе зерна политической сатиры и героическую борьбу с дворянским обществом [15, с. 645–646]. Такое понимание усиливают присутствующие и у С. С. Мокульского отсылки к широко известной оценке комедии Ж.-Ж. Руссо в «Письме к д'Аламберу о зрелищах» (1758), где женеvский философ упрекает Мольера в комическом освещении образа благородного и добродетельного Альцеста. Сам В. Блюменфельд отдает должное комизму «Мизантропа», но обнаруживает его не в резкости и непримиримости героя, а в несоответствии между силой его гнева и поводами к нему, в абстрактном отношении Альцеста к человеку, в его оторванном от реальности донкихотском стремлении навязать старому миру новые принципы [15, с. 647]. Суждения В. Блюменфельда поддерживают заявленную С. С. Мокульским идеологическую оценку комедии как произведения буржуазного с отчетливо выраженным мольеровским устремлением к новой общественной морали, по всей видимости, той самой, что приведет к событиям Великой французской революции, а затем к уничтожению старого порядка и в России.

Влияние советской идеологии на трактовку «Мизантропа» продолжает просматриваться в отечественной мольеристике 1950-х – первой половины 1980-х гг., представленной работами Г. Н. Бояджиева, С. Д. Артамонова, Н. А. Сигал, И. Д. Гликмана, Ю. Б. Виппера, Д. Д. Обломиевского. В это же время выходит беллетризованная биография М. А. Булгакова «Жизнь господина де Мольера» (1962) [16], с тех пор не раз переиздававшаяся и популярная у читателей.

Ведущим специалистом по творчеству французского драматурга в этот период можно считать Г. Н. Бояджиева, ставшего автором фундаментальной диссертации 1958 г., представленной впоследствии в виде монографии «Мольер: Исторические пути формирования жанра высокой комедии» (1967) [17], книги «Мольер на советской сцене» (1971) [18], а также вступительных статей как к полному собранию сочинений Мольера 1960-х гг. [19], так и к вышедшему большим тиражом в 150 тысяч экземпляров двухтомнику избранных пьес 1957 г. (для сравнения: это почти в три

раза больше, чем тираж четырехтомника 1965–1967 гг., опубликованный в количестве 52 тысяч экземпляров) [20].

В работах Г. Н. Бояджиева рассуждения о буржуазном характере комедии уступают место более общему тезису о ее социально-критическом пафосе, направленном против всего дворянско-буржуазного порядка как ложного общественного устройства. Исследователь акцентирует народную линию в творчестве Мольера, что накладывает отпечаток на интерпретацию образа Альцеста. «Восхваляя сельскую музу, – пишет он, – Мизантроп проявляет себя человеком, глубоко любящим и понимающим свой народ» [19, с. 53]. Г. Н. Бояджиев подхватывает мысль А. Н. Веселовского, но обходит молчанием критическое мнение его оппонентов по поводу народных симпатий драматурга и не учитывает принадлежность главного героя к придворно-салонному кругу. В «Мизантропе» ученый видит пусть и неосознанное, но все же предвосхищение просветительских идей. При этом он иначе, чем его предшественники, использует применительно к пьесе руссоистскую концепцию, а именно оценивает Альцеста как «естественного человека», столкнувшегося «с людьми, испорченными дурными законами» [19, с. 52–53]. Вслед за Ж.-Ж. Руссо слово «мизантроп», вынесенное в название комедии, исследователь пишет с заглавной буквы, чтобы придать ему высокий обобщающий смысл, связанный с борьбой героя и ему подобных против социальной несправедливости. Имя его друга, напротив, превращается в нарицательное – «филинты». За счет грамматической формы множественного числа оно имеет сниженную, отрицательную коннотацию и подразумевает всех тех, кому свойственно «плоское здравомыслие» [19, с. 53].

Г. Н. Бояджиев и другие советские ученые продолжают дискуссию об автобиографической основе пьесы. Она восходит к дореволюционным работам (А. Н. Веселовского [8, с. V], Е. В. Аничкова [10], Ю. А. Фохта [21, с. 43–44]), установившим тесную связь комедии с драматическими взаимоотношениями Мольера и его молодой супруги Арманды Бежар. Этот биографический подход подверг критике еще С. С. Мокульский, утверждавший, что толки об автобиографизме комедии «вредны потому, что затушевывают идеологическую сущность пьесы» [14, с. 488]. Он настаивал на объективном, а не субъективном характере образа Альцеста [13, с. XXIV], что стало общепринятым положением для литературоведения советского периода. Однако все исследователи так или иначе признают по-особому личное наполнение именно этой мольеровской комедии и пытаются опре-

делить, в чем оно заключается. Г. Н. Бояджиев полагает, что в монологах героя нередко звучит голос автора [19, с. 54], а М. А. Булгаков видит в произведении отражение душевного состояния Мольера [16, с. 168].

Проблема автобиографизма «Мизантропа» оказывается связана с полемикой по поводу прототипов образа Альцеста. Этот вопрос, обсуждавшийся в дореволюционных трудах, но неактуальный для ранних советских исследований, «возвращается» в мольеристику середины XX в. Как маловероятный прототип главного героя воспринимается герцог Монтозье, которого называли уже современники Мольера. Ошибочность этой версии подтверждается либо проясками врагов драматурга, стремившихся навлечь на него гнев влиятельного аристократа [22, с. 191], либо бездоказательным отсутствием таких намерений у самого Мольера [16, с. 169]. О Монтозье с сомнением писал еще А. Н. Веселовский, он же назвал возможными, хотя еще менее вероятными прототипами Альцеста Н. Буало и янсенистов [8, с. 71–76]. Эти предположения русского ученого остаются без внимания советских литературоведов, но С. Д. Артамонов, ссылаясь на французских исследователей, добавляет к перечню прототипов героя новое имя – герцога Ларошфуко [22, с. 191].

Автобиографизм «Мизантропа» ученые трактуют не буквально (как художественное преломление жизненных фактов), а широко, что дает основания для более принципиальной дискуссии об авторской позиции. Противоположные точки зрения в этом споре представляют И. Д. Гликман и С. Д. Артамонов. Первый продолжает сложившуюся к тому моменту советскую традицию восприятия Альцеста как героя с выраженным общественным темпераментом, отражающего боевой дух мольеровского творчества. Полной противоположностью ему оказывается снисходительный Филинт, чья терпимость, как пишет И. Д. Гликман, «на самом деле оборачивается подлинной мизантропией» [23, с. 209] и превращается в социальный порок, который он называет «филинтовщиной» [23, с. 211]. Исследователь не допускает и мысли о том, что позиция друга Альцеста могла быть близка Мольеру.

Иного мнения придерживается С. Д. Артамонов, возводящий жизненные принципы Филинта к рассуждениям Монтеня о неидеальной природе человека и утверждающий, что «эта философия была близка автору “Мизантропа”» [22, с. 191]. Ученый полагает, что Мольер стоит не на стороне Альцеста, хотя, несомненно, симпатизирует герою. Он формулирует идею о двух видах гуманизма, отраженных в пьесе: «<...> первый, который проповедует Альцест, – гуманизм су-

ровый, фанатический, превращающийся в свою противоположность; второй – проповедуемый Филинтом, – гуманизм мягкий, поистине человеческий, гуманизм, постигающий человеческие слабости, исправляющий людей не посредством презрения и насилия, а доброжелательной терпимостью» [22, с. 191]. Точка зрения С. Д. Артамонова шла вразрез с магистральной линией трактовки комедии в советском литературоведении и способствовала усилению научной полемики. Понимание ее причин точно выразила в эти годы Н. А. Сигал: «Ни в одной пьесе Мольера авторская позиция не выступает в такой осложненной форме, как в “Мизантропе”» [24, с. 93].

По-своему эту сложность продемонстрировал Д. Д. Обломиевский в монографии «Французский классицизм» (1968) [25], основные положения которой он впоследствии изложил в статье о Мольере для четвертого тома академической «Истории всемирной литературы» (1987) [26]. Ученый считает, что если Филинт «пытается направить негодование Альцеста <...> на человеческий род вообще», то главный герой подвергает критике «исторически конкретное состояние общества» [26, с. 148], порочность именно современных нравов, т. е. неприемлемую для него культуру дворянских салонов. Д. Д. Обломиевский фокусирует объект мольеровской насмешки точнее, чем его предшественники, но особенности салонной культуры не раскрывает, ограничиваясь ее упрощенным отождествлением с миром льстецов и жеманных угодников.

Важную роль в понимании своеобразия этой культуры, ее значимости для французского XVII в. и творчества великого комедиографа сыграла переведенная на русский язык в 1983 г. монография Ж. Бордонова «Мольер» [27]. Комедия «Мизантроп» рассматривается в ней сквозь призму одного из ключевых для салонной культуры понятия «*honnête homme*» (чаще всего, хотя и неточно передаваемого по-русски как «порядочный человек»). Такой ракурс восприятия оказал влияние на интерпретацию пьесы во вступительной статье Ю. А. Гинзбург и С. И. Великовского к собранию сочинений Мольера 1985–1987 гг. [28] и в работах постсоветского периода М. В. Разумовской [29], Н. Т. Пахарьян [30], Е. А. Дунаевой [31].

На рубеже XX–XXI вв. российские литературоведы уходят от идеологической трактовки комедии как произведения антидворянского, раннебуржуазного или народного. Они, как правило, пишут о светском обществе в целом, законы которого не приемлет герой. Протест Альцеста даже приобретает экзистенциальный смысл и понимается как выражение позиции человека во враждебном ему мире, где он, по

словам М. В. Разумовской, «отвергает всякую возможность компромисса с властью, основанной на несправедливости, лицемерии и насилии» [29, с. 16].

И все же исследования последних трех десятилетий отличает перенос внимания с проблематики общественно-политической в моральную плоскость. Альцест предстает, прежде всего, как моралист, взыскующий правды, но наделенный слабостями, которые разоблачает авторский смех. В его образе неизменно подчеркиваются положительное начало и черты нового человека, отвечающие этическим представлениям следующей, просветительской эпохи (А. П. Бондарев [32, с. 91], В. А. Луков [33, с. 131], Е. А. Дунаева [31, с. 230]).

Поворот к моральной проблематике вновь актуализирует вопрос о том, на чьей стороне Мольер – Альцеста или Филинта. Ответы на него обнаруживают новые тенденции в интерпретации комедии. Во-первых, заметно меняется, в сравнении с советским периодом, оценка образа Филинта. Современные литературоведы, используя для характеристики героя тот же понятийный аппарат («золотая середина», умеренность, компромиссность, терпимость), теперь связывают его не с аморальным соглашательством и посредственностью, а с высокой поведенческой этикой, стоической и разумной, с «благотворной необходимостью меры», которая в искусстве XVII в. «означает гармонию, точность, совершенство» [28, с. 46].

Во-вторых, усложняются представления о причинах неоднозначности пьесы. Они видятся не только в отсутствии четко выраженной авторской позиции, но и в признании того, что «герои воплощают неразрешимую дилемму» [34, с. 134], и в их споре, в принципе, «нет правильной, победившей точки зрения» [31, с. 231]. Исследователи констатируют, что в «Мизантропе» Мольер поднимает «вечные» вопросы, касающиеся правды личности и законов общественного бытия, благих намерений и печальных последствий, высоких принципов и несовершенной человеческой природы. Пьеса дает повод к дискуссии об отвлеченных категориях морали, что, безусловно, определяет ее вневременной характер.

История восприятия комедии «Мизантроп» в российском литературоведении XX в. показывает движение исследовательской мысли от ее биографической и общественно-политической трактовки до концентрации на проблемах этических. За исключением моментов вынужденной идеологизации пьесы в советские десятилетия, все эти аспекты имеют значение для ее осмысления. Вместе с тем представляется, что более адекватному ее пониманию, которое во

французском литературоведении неизменно строится с учетом особенностей придворно-салонной культуры XVII в., будет способствовать культурологический подход, базирующийся на новейших научных исследованиях галантной эпохи.

Список литературы

1. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / под ред. П. И. Вейнберга, П. В. Быкова. СПб. : Т-во А. Ф. Маркс, 1910. Т. 1. 523 с. ; Т. 2. 494 с. ; Т. 3. 442 с. ; Т. 4. 400 с.
2. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 2 т. СПб. : Изд. Брокгауз-Эфрон, 1912–1913. Т. 1. 620 с. Т. 2. 648 с. (Библиотека великих писателей ; под ред. С. А. Венгерова).
3. Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. А. А. Смирнова, С. С. Мокульского. М. ; Л. : Academia, 1935–1939. Т. 1. 715 с. ; Т. 2. 745 с. ; Т. 3. 834 с. ; Т. 4. 608 с.
4. Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. / под ред. А. Смирнова, С. Мокульского. М. : Изд. центр «Терра», 1994–1995. Т. 1. 575 с. ; Т. 2. 745 с. ; Т. 3. 831 с. ; Т. 4. 605 с.
5. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / вступ. ст. и коммент. Г. Н. Бояджиева. М. : Искусство, 1965–1967. Т. 1. 671 с. ; Т. 2. 531 с. ; Т. 3. 543 с. ; Т. 4. 419 с.
6. Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. / пер. с фр. под ред. Н. М. Любимова ; предисл. Ю. А. Гинзбург, С. И. Великовского. М. : Искусство, 1985–1987. Т. 1. 670 с. ; Т. 2. 458 с. ; Т. 3. 716 с.
7. Бояджиев Г. Н. Мольер на советской сцене. М. : Знание, 1971. 48 с.
8. Веселовский А. Н. Этюды о Мольере. Мизантроп (опыт нового анализа пьесы и обзор созданной ею школы). М. : Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1881. 202 с.
9. Пиксанов Н. К. Грибоедов и Мольер (переоценка традиции). М. : Гос. изд-во, 1922. 80 с.
10. Аничков Е. В. Жизнь и творчество Мольера. URL: http://az.lib.ru/a/anichkow_e_w/text_1913_molier_old-orfo.shtml (дата обращения: 12.04.2022).
11. Патуйе Ю. Мольер в России. Берлин : [Б. и.], 1924. 90 с.
12. Мокульский С. С. Мольер. М. : Изд-во Журн.-газ. объединения, 1936. 366 с.
13. Мокульский С. Жизнь и творчество Мольера // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. ; Л. : Academia, 1936. С. IX–XXXII.
14. Мокульский С. С. Мольер // История французской литературы : в 4 т. Т. 1. С древнейших времен до революции 1789 г. / ред.: И. И. Анисимов, С. С. Мокульский, А. А. Смирнов. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1946. С. 466–507.
15. Блюменфельд В. Предисловие // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. : в 4 т. Т. 2. М. ; Л. : Academia, 1937. С. 639–649.
16. Булгаков М. А. Жизнь господина де Мольера. М. : Молодая гвардия, 1962. 240 с.
17. Бояджиев Г. Н. Мольер: Исторические пути формирования жанра высокой комедии. М. : Искусство, 1967. 555 с.

18. Бояджиев Г. Н. Мольер на советской сцене. М. : Знание, 1971. 48 с.
19. Бояджиев Г. Гений Мольера // Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 4 т. / вступ. ст. и коммент. Г. Н. Бояджиева. Т. 1. М. : Искусство, 1965. С. 7–65.
20. Бояджиев Г. Жан Батист Мольер // Мольер Ж. Б. Собр. соч. : в 2 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1957. С. 5–54.
21. Фохт Ю. А. Мольер: публичная лекция. М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1914. 52 с.
22. Артамонов С. Д. Мизантроп // История зарубежной литературы XVII–XVIII вв. : учебник. 4-е изд. М. : Просвещение, 1973. С. 189–195.
23. Гликман И. Д. Мольер: Критико-биографический очерк. М. ; Л. : Художественная литература [Ленингр. отд-ние], 1966. 279 с.
24. Сигал Н. А. Социальная критика в литературе французского классицизма и ее художественный метод // XVIII век. 1962. Т. 5. С. 79–97.
25. Обломиевский Д. Д. Французский классицизм: Очерки. М. : Наука, 1968. 375 с.
26. Обломиевский Д. Д. Мольер // История всемирной литературы : в 9 т. / гл. ред. Г. П. Бердников. Т. 4. М. : Наука, 1987. С. 146–152.
27. Бордонов Ж. Мольер. М. : Искусство, 1983. 415 с.
28. Гинзбург Ю., Великовский С. Комедиограф «Великого века» // Мольер Ж.-Б. Полн. собр. соч. : в 3 т. / пер. с фр. под ред. Н. М. Любимова ; предисл. Ю. А. Гинзбург, С. И. Великовского. Т. 1. М. : Искусство, 1985. С. 5–57.
29. Разумовская М. В. «Мизантроп» Ж.-Б. Мольера как интеллектуальная драма // Французский интеллектуальный театр. Тезисы докладов. СПб. : [Б. и.], 1993. С. 16–18.
30. Пахсарьян Н. Т. Мольер // История зарубежной литературы XVII века / под ред. Н. Т. Пахсарьян. М. : Высшая школа, 2005. С. 296–303.
31. Дунаева Е. А. Великий лицедей или обманщик: Эволюция фарса в высоких комедиях Мольера. 2-е изд. М. : Изд. группа «Navopa», 2018. 398 с.
32. Бондарев А. П. Между комедией и трагедией: «Горе от ума» А. С. Грибоедова в истории русской и западноевропейской драмы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 655. С. 80–93.
33. Луков В. А. Жан Батист Мольер: лекции-спектакли // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 1. С. 110–140.
34. Подгаецкая И. Ю. О французском классическом стиле // Подгаецкая И. Ю. Избранные статьи. М. : ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2009. С. 120–151.

Поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 21.09.2022
The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 21.09.2022